

ОБИТАТЕЛЬ ЗАМКА ГРЕЗ

Фото Александра КОРНЮШЕНКО.

— Андрей Владимирович, где подрастают будущие главные художники?

— По моим наблюдениям — на берегу Яузы, в Сокольниках. Замечательное место! Здесь выросли Вавакин, бывший главный архитектор Москвы, и нынешний — Кузьмин. Я тоже вот нечаянно родился в Сокольниках. И всегда смотрел из окна на клуб Русакова, построенный по проекту знаменитого Мельникова, который официальные учебники считали примером неудачной архитектуры. На самом деле рабочие клубы в Москве — Мельникова и других наших конструктивистов — это целый пласт отечественной архитектуры, который превозносят в мире.

Я поступил в архитектурный. Он меня прельстил тем, что там было много и рисунка, и живописи, и архитектуры. Институт заставил видеть город в целом — архитектуру и среду, весь этот пульсирующий организм.

— Должность главного художника столицы дается за какие-то профессиональные заслуги или по протектированию?

— Никогда не думал об этом. Основная часть моей жизни связана с преподавательской деятельностью в Архитектурном институте. Затем лет 15 работал в научно-исследовательском институте, занимался цветом городов. Это стало предметом моего исследования для докторской диссертации. А это — фрагменты моей кандидатской. (Андрей Ефимов показал на три картины, украшающие стену у стола.) Как цвет преобразует форму и как архитектор должен управлять цветом, чтобы создавать визуальную новую форму. Меня за дерзость выгнали с кафедры живописи: нельзя было подкладывать мину замедленного действия под академический канон.

— Надеюсь, ваше исследование цвета не потонуло в рутине?

— Эта методика в конце концов была рекомендована в 47 архитектурных школах Советского Союза. Я написал книгу "Колористика города" и защитил докторскую по ней. Сделал порядка 30 проектов для разных городов — для Сургута, Ярославля, Иркутска... Бесплатно. За свой институтский вклад.

Главный художник Москвы Андрей Ефимов: "Были времена, когда полицейские управления раскрашивали города"

— И все-таки: кто же вас рекомендовал на вашу сегодняшнюю должность?

— До поступления сюда я немножко сотрудничал с архитектурной мастерской "Моспроект-2" — мы сделали концепцию колористики центра Москвы. Я руководил этой работой. И главный архитектор Леонид Васильевич Вавакин рекомендовал меня на эту должность. Правда, вскоре он ушел.

— Что входит в сферу деятельности главного художника?

— Лицо города.

— А что создает это лицо?

— Прежде всего цвет — в широком смысле. Он может быть пестрым или однообразным. Каждый город мира имеет свое лицо. Париж, например, по цвету серый.

— Сейчас, когда его почистили пескоструйным способом, Париж посветлел.

— Да. Но кое-что от этого очищения пострадало. Сняли с Собора Парижской Богоматери пелену — и разрушили следы веков. Но когда еще несколько лет назад я смотрел на Москву, то понимал: это не следы веков — Москва просто грязновата. В ней потухли исторические цвета. Поэтому я сразу предложил две программы: вскрытие исторического цвета — эпохи барокко, классицизма, модерна, конструктивизма. Каждая имела свою цветовую палитру, и мы должны были увидеть здания такими, какими их вообразили и выполнили авторы.

Вторая наша программа — осветлить массив зданий сталинской архитектуры 40—50-х годов. Строили тогда хорошие, добротные вещи, но со временем они потеряли свой вид. Нам предстояло осветлить фасад.

Скажем, Дом на набережной Бориса Иофана — архитектора мирового уровня — с 27-го года просто почернел. Нам удалось восстановить его истинные цвета.

Третья проблема — дыхание, самочувствие ночного города. До недавнего времени темень в столице была кромешная. Один мой парижский коллега как-то сказал: "Я осветил район — и вытеснил оттуда криминал". Свет в наше время стал не только эстетической, но и социальной проблемой.

Московское правительство очень активно подержало обе мои программы. Любопытная историческая деталь: русский император Александр I в 1814 году утвердил цветовую гамму России: пастельные тона вводились в окраску городов. Образцы этих цветов развозились в полицейские управления городов — ведь в царскую эпоху архитекторы носили эполеты и работали в полицейских управлениях. Были они серьезными и авторитетными людьми. С ними считались, их слушались. Я не знаю в мире подобного прецедента, чтобы на огромном пространстве государства вводилась цветовая регламентация, сознательно строилась цветовая палитра городов.

— Москвичам повезло, что наш мэр оказался восприимчивым к красоте. Но ваши идеи надо было реализовать. Как все складывалось?

— Были разработаны подробные концепции цвета и света для разных зон города. Предстояло осветить не только проезжую часть улиц. Нужен взвешенный свет — свет в пространстве, чтобы его хватало и на тротуары, и на дома.

Как вы замечаете, в подсвечивании зданий использована сложная полихромия. В разработке грандиозного светового проекта участвовала большая группа специалистов. Восемь человек, во главе с руководителем мастерской по архитектурному освещению профессором Николаем Щепетковым, удостоены звания лауреатов Госпремии. Впервые ее присудили в области дизайна. Вечерний город бесконечно выиграл, когда ударные здания были многократно подсвечены. Сталинские высотки вдруг обрели значительность и ночной объем. Мы создали совершенно новый силуэт Москвы.

— хуже — в окраинных жилых массивах. Наверное, все ваши цвето-световые дерзания там выносятся за скобки. Денег в обрез — не до того.

— Мы во многом — пленники массового домостроения. В распоряжении строителей — плохой материал, темная, невыразительная плитка... Но теперь мы предъявляем жесткие требования к колористике, заставляем перекрашивать и доделывать. Уже есть распоряжение мэра, чтобы все застройщики Москвы имели колористические паспорта.

— Не приходилось ли вам рассматривать эксклюзивные предложения художников-монументалистов, пожелавших без денег, лишь во имя красоты и славы, расписать стены возводимых зданий?

— Альтруисты встречаются нечасто. Сейчас в городе много рекламы. Она приносит большие деньги, необходимые для благоустройства города. Утверждая размеры и форму рекламы, мы рассматриваем, как она соответствует архитектуре, становится ли красивым пятном.

— Есть ли у главного художника местечко в Москве, где ему хочется чаще бывать?

— Там, где Аннушка пролила масло. — на Патриарших прудах. А еще — на Чистых прудах. Мне и те и другие пруды очень симпатичны. Москва, к сожалению, не так богата водой.

— Ваше ведомство, Андрей Владимирович, ощутило на себе экономический кризис?

— Архитекторы ныне работают в основном в долг. Кто-то ропщет, но большинство понимает: это надо пережить.

— Главный художник дает волю своим симпатиям при распределении заказов на объекты?

— Как правило, все сооружения делаются на конкурсной основе. Конечно, бывают инициативные предложения, которые могут мне понравиться. Один пример. Большим коллективом мы работали над проектом благоустройства Олимпийской деревни. На мой взгляд, это неплохо получилось. Кстати, работа эта началась в инициативном порядке. Примерно полтора года коллектив трудился без оплаты. И только за четыре месяца до окончания проектирования прошел слух, что правительственное финансирование все-таки будет. И, естественно, работа была поручена тому инициативному коллективу архитекторов, который уже ее выполнил.

— Среди авторов проекта были женщины?

— Конечно. Скульптор Елизавета Николаевна Гаврилова делала там пластику, скульптуру и очень красивую мозаику. Женщины принимали участие и в росписи внутренних помещений Олимпийской деревни. Работа в архитектуре — дело сложное. Стройка. Грязь, непогода. Мат висит в воздухе. Не каждая женщина выдержит такое...

— Андрей Владимирович, поговорим не о службе, а о душе, о ваших встречах...

— Самые яркие встречи случаются у нас на кафедре дизайна в архитектурном институте. Красивые, молодые лица, живые, смеющиеся глаза... Я, засохший бюрократ, вдруг появляюсь, а там — смех, анекдоты и новые идеи. Немного повзрослев с ними в одном котле и чувствуешь: оживало!

— Свои частновладельческие строительные планы успели осуществить?

— Под Коломной я строю нечто из старинной силосной башни, к которой пристроен дом. В целом — такой замск-монстр вышел. Когда мы с приятелем обсуждали эту невероятную идею, наш завтрак перешел в обед, обед — в ужин...

— Где вы нашли свою суженую?

— В "Моспроекте". Ирина окончила строительный институт и работала в "Моспроекте". Нашему браку уже 35 лет. Конструктор по профессии, она увлеклась литературным творчеством. Прочту вам ее строки — о бренности бытия: "Мгновенья удержать я не умею — исчезнут с неба зигзаги зигзаги, утихнут гром, деревья онемеют, и побледнеют строки на бумаге".

— Наследники у вас есть?

— Нашей дочке — за 30. Она окончила тоже архитектурный, увлечена живописью. Маша участвует в выставках. У нее — дочка Варвара. Живем все вместе в трехкомнатной квартире. Теперь, когда у меня появилась мастерская, это окрылило Машу. Она обитает в основном там: можно расправить крылья и встретиться с друзьями. Внучка ходит на подготовительные курсы в архитектурном и скачет в кружке по брейк-дансу.

Наталья ДАРДЫКИНА.

Моск. Комсомолец - 1998 - 27 мая - с. 2